

ПЛЕТНЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИСЛАВОВИЧ

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
venger.vin@rambler.ru

ALEXANDR V. PLETNEV

Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 304.4

**ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОДЕНСТВИЯ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ, ВЫРАЖАЮЩИЙ ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ**

**THE WELFARE STATE AS A TYPE OF SOCIAL POLICY, EXPRESSING INTERESTS
OF THE MAJORITY OF THE POPULATION**

Аннотация. Социальная работа нуждается в теоретических и идеологических основах. Такой основой для нее является социальная политика, ориентированная на определенный тип государства всеобщего благоденствия как идеальное состояние общества и государства, к которому надо стремиться. В современной литературе выделяется четыре типа государства всеобщего благоденствия, и они в разной степени подходят для России. Выбор в данном случае осложняется мировым кризисом государства всеобщего благоденствия, появлением неокapитализма и относительно слабым развитием социальной работы как академической области. Тем не менее эта крайне важная задача выбора непременно должна быть исчерпывающе решена.

ABSTRACT. Social work requires theoretical and ideological foundations. For social work, such a foundation is social policy, which is based on a certain type of welfare state as an ideal form of the society and the state, to which it is necessary to strive. In modern literature, there are four main types of welfare states that are suitable for Russia to varying degrees. The choice of universal welfare concept for Russia is complicated by the global crisis of the welfare state, the emergence of neo-capitalism and the relatively weak development of social work as an academic field. However, the choice of the type of welfare state is an extremely important task for the theory and practice of social work, and it must necessarily be fully resolved.

Ключевые слова: государство всеобщего благоденствия, социальная работа, социальная политика, идеология, сверхновая бедность, anomia, неокapитализм.

KEYWORDS: welfare state, social work, social policy, ideology, supernova poverty, anomie, neo-capitalism.

Социальная работа как многоаспектная сфера практической деятельности должна опираться на теоретические основания. В советское время этот вопрос не рефлексировался, поскольку государство следовало идеологии всеобщего социального обеспечения, которое не нуждается в теории. С началом 90-х годов XX века заимствовали немецкую форму организации учреждений социальной работы и самые разнообразные практики и технологии. При этом развитие отрасли происходило без должного теоретического осмысления. Заполнение данного пробела является актуальной и практически значимой задачей. В настоящей статье она будет решена методами кросс-культурного сравнения и теоретического синтеза.

Очевидно, что любая деятельность суть воплощение на практике определенной теории. Социальная работа воплощает в жизнь социальную политику государства, которая, в свою очередь, должна основываться на общей идеологии его

развития. Для развитых государств такая идеология носит название «государство всеобщего благоденствия». Далее мы рассмотрим его типы, возможности их организации в России, а также современные вызовы, препятствующие его существованию.

Активное теоретическое обсуждение государства всеобщего благоденствия начинается с 1940-х, когда эта концепция «становится значительной темой как в политических дебатах, так и в академических аудиториях» [6, с. 2]. Наиболее авторитетным исследователем в этой предметной области является социолог из Дании Госта Эспинг-Андерсен, который еще в 1990 году написал фундаментальную работу «Три мира капитализма всеобщего благоденствия» [8]. В ней он использовал концепцию идеальных типов Макса Вебера для изучения социальной политики. По мнению многих специалистов, книга Эспинг-Андерсена «действительно привела к успехам в науке, например, развитию идеально-типичной теории режима благосостояния

с новой попыткой классификации этих режимов в развивающихся странах» [1, с. 9]. Публикация побудила ученых сравнивать и анализировать виды систем во всех частях света, чем ранее пренебрегали. Интерес к работе Эспинг-Андерсена не уменьшается, и в последнее десятилетие можно отметить усиление тенденции к применению и разработке метода и теории идеальных типов режима благосостояния. И хотя эту работу можно считать классической для социальной политики, она так и не была переведена на русский язык. В нашем изыскании мы возьмем за основу классификацию государств всеобщего благоденствия, предложенную Эспинг-Андерсеном, которая стала наиболее используемой в англоязычной литературе. Согласно Эспинг-Андерсену, государство всеобщего благоденствия (*welfaresate*) в самом общем виде можно определить как «государство, ответственное за обеспечение определенного базового уровня благосостояния для своих граждан» [8, с. 19]. Он выделил четыре основных типа: либеральный, социал-демократический, консервативный и католический. В более развернутом виде государство всеобщего благоденствия можно рассматривать в качестве концепции управления, в которой государство или хорошо налаженная сеть социальных институтов играют ключевую роль в защите и развитии экономического и социального благосостояния граждан. Речь идет о принципах равенства возможностей, справедливого распределения богатства и общественной ответственности для тех, кто не может воспользоваться минимальными условиями для хорошей жизни. Этот общий термин может охватывать различные формы экономической и социальной организации.

После распада Советского Союза начался постепенный демонтаж системы всеобщего социального обеспечения, и по форме отечественная структура социальной работы более всего похожа на социал-демократический тип государства всеобщего благоденствия. Но соответствие форме не обернулось соответствием целям и сути социал-демократического типа, в основе которого принцип обеспечения всех нуждающихся вне зависимости от их вклада в экономику. Этот тип государства благоденствия опирается на широкий средний класс. Главный принцип социал-демократической модели состоит в том, чтобы обеспечить благосостояние максимальному количеству людей. Под благосостоянием здесь подразумевается не гарантия минимального дохода для всех граждан, а достижение всеми гражданами стандартов потребления среднего класса. Надо отметить, что социал-демократическая модель предполагает полную занятость для всех и зависит от числа работающих, поскольку данный режим благоденствия нуждается в большом количестве налогоплательщиков для своего существования. Эта модель обеспечивает наибольший уровень благосостояния для граждан среди всех типов государства благоденствия. Примерами социал-демократической модели являются скандинавские страны, в которых бедность исчезла как социальное явление.

Либеральный тип опирается на идею узкого определения групп нуждающихся и адресной

помощи им и характеризуется небольшим объемом выплат, ограниченными социальной помощью и социальным страхованием. Получателями социальной помощи становятся прежде всего люди с маленькими доходами, а также люди, находящиеся на государственном иждивении. Главный идеологический принцип либерального типа государства всеобщего благоденствия заключается в том, что человек должен потреблять тот объем социальных благ, который он способен заработать благодаря своему вкладу в экономику. Правила предоставления социальной помощи в этой системе являются достаточно жесткими и часто приводят к возникновению у получателя ощущения собственной ущербности и неполноценности. Государство поощряет развитие рыночной экономики и подстегивает индивида заботиться о себе самостоятельно. От государства человеку гарантирован только минимальный объем достатка, при этом оно активно стимулирует развитие частного социального обслуживания и благотворительности. Либералы, выступающие за свободный рынок, склоняются в пользу предоставления людям финансовой поддержки, а не социальных услуг. Для данного типа характерно ограниченное государственное обеспечение. Это связано с некоторыми особенностями распространенной в англо-саксонском мире доктрины невмешательства, в том числе принципом остаточного благосостояния, негативным отношением к бедным и ощущением, что поддержание благосостояния является общественным бременем. В последние десятилетия государственная социальная политика в России фактически все более идет по этому пути. Другая особенность либеральной модели состоит в том, что бремя социального обслуживания перекладывается с федерального бюджета на местные бюджеты, бюджеты муниципалитетов и в огромной степени на негосударственные благотворительные организации. В России система таких организаций находится в зачаточном состоянии, не говоря уже о финансировании. В Америке или Англии пожертвования частных лиц могут исчисляться миллиардами долларов, что создает прочную финансовую основу для благотворительности. В целом либеральный режим благосостояния поддерживается идеей, что равные права не обязательно являются правами на равные вещи. Права во многих либеральных системах социального обеспечения частные, а не общие, они основаны на договорных отношениях (семейных, профессиональных). Например, пенсионное обеспечение будет больше зависеть от записей в трудовой книжке, чем от структуры гражданских прав. Либеральный тип государства всеобщего благоденствия можно наблюдать в Соединенных Штатах, Канаде и Австралии.

Консервативный тип государства всеобщего благоденствия восходит к концу XIX века, когда были введены системы здравоохранения и пенсионного обеспечения для привилегированных профессиональных групп, таких как государственные служащие. Пошаговое социальное страхование было расширено и охватило всех граждан, но страховые права остались неодинаковыми. Этот тип

государства всеобщего благосостояния, как правило, способствуют сохранению различий в статусе индивидов. Кроме того, подобная модель опирается на традиционную семью, и эта опора отражается во многих аспектах социальной политики. Ориентация на семью формирует такой режим социальной политики, который предназначает домашним хозяйствам максимум обязательств по поддержанию благосостояния. Консервативный тип государства всеобщего благоденствия опирается на идею страхования через работодателя. Для реализации этого типа нужно соответствующее законодательство и длительное накопление страховых вкладов. Корпорации сотрудничают с государством, которое является основным гарантом благосостояния. Консервативный тип формируется во многом под влиянием церкви и опирается на традиционные ценности. Государственные пособия стимулируют материнство, а помощь социальных служб оказывается тогда, когда семья не в состоянии справиться самостоятельно. Огромным преимуществом консервативной модели является относительная справедливость, поскольку человек получает социальные блага в том объеме, в каком это позволяет его страховой вклад. Страны консервативного типа — Германия, Италия, Франция и Австрия.

Возрождение Русской православной церкви и укрепление связанных с церковью институтов делает католическую модель государства всеобщего благоденствия все более интересной для отечественной социальной работы. Основная идея этой модели — получение помощи от церковных институтов и местной общины. Следует заметить, что в дореволюционной России был похожий опыт. Одним из видов церковной благотворительности тогда было распространение благотворительных марок через различные лавки и магазины. Малоимущие могли расплачиваться этими марками за товары и услуги. В XIX веке церковная благотворительность получает огромную поддержку благодаря масштабным пожертвованиям промышленников и предпринимателей. Были попытки союза государства и церковных организаций для оказания помощи нуждающимся. Эта система церковной благотворительности была разрушена в результате революции 1917 года.

Согласно католической модели помощь нуждающемуся должна оказать ближайшая инстанция. Если же этого не получается, то ему необходимо обратиться к инстанции более высокого порядка. Теоретической основой данной модели является Социальная концепция Католической церкви и другие церковные документы. Государство всеобщего благоденствия финансирует и предоставляет массовые социальные услуги. Ряд церковных институтов, которые церковь ввела в конце XIX века или изменила в этот период функции уже существующих, привели общество к новому уровню социального развития и позволили создать государство всеобщего благоденствия. Этот принцип был заложен уже во время Тридентского собора в XVII веке, но был полностью и правильно реализован только в XIX веке. Приходское духовенство, как правило, не является поставщиком социальных услуг, эти

услуги предоставляет приходская община. На сегодняшний день католическая модель государства всеобщего благоденствия реализуется благодаря огромной сети церковных и околоцерковных организаций.

В различных моделях государства благоденствия так или иначе упоминается роль активного гражданина. Гражданская активность помогла сформировать государство благоденствия и сейчас играет огромную роль. В зависимости от уровня социальной активности граждан выстраивается модель государства. По сути «активная социальная ответственность гражданина может быть подкреплена либо важной ролью государства всеобщего благосостояния, что будет способствовать самоопределению граждан, либо незначительной ролью государства, что скорее вынуждает граждан быть самостоятельными в финансировании и организации собственного социального обеспечения и социальных услуг» [7, с. 59]. В любом случае для реализации модели государства всеобщего благоденствия в России необходимо развивать у людей активную гражданскую позицию. Активные граждане могут не только решать собственные проблемы, но и участвовать в различных волонтерских проектах. Волонтерские инициативы оказывают ощутимую помощь государству в осуществлении различных видов социальной работы.

Хотя большинство работ по теории государства благоденствия посвящены анализу и классификации его типов уместно поставить вопрос о единой модели государства благоденствия. Глобализация и межкультурный обмен делают этот вопрос вполне обоснованным. Даже в политической сфере можно заметить, что либерально и консервативно ориентированные политики предлагают в последние десятилетия все более схожие пути решения социальных проблем. Единая модель государства (или «мира») всеобщего благосостояния будет иметь два основных направления приложения усилий. Первое будет нацелено на обеспечение индивида со стороны государства социальными благами, а второе — на достижение позитивного субъективного самочувствия человека. Социальная политика любого государства всеобщего благоденствия включает три направления: «(1) программы повышения доходов <...> разнообразие источников доходов; (2) социальные услуги, включающие в себя разнообразную совокупность технологий, которые обеспечивают уход, качественное здравоохранение и образование, пособия в натуральной форме; (3) защитное законодательство, охватывающее проактивные и превентивные законы, законодательство о здоровье и безопасности, законы о минимальной заработной плате, законы о защите детей, контроль за арендной платой» [11, с. 478].

Единая модель государства всеобщего благоденствия также нуждается в скрепляющей идее. Каждая из предшествующих четырех национальных моделей режима или мира благоденствия имеет в своей основе простую идею, которую можно выразить в паре предложений. Многочисленные эмпирические исследования последних лет свидетельствуют, что идей, единой для каждого

государства благоденствия, является идея социального доверия. Социальное доверие позволяет людям объединяться для преодоления неравенства. Эту мысль можно выразить в виде дилеммы государства благоденствия: «социальное доверие помогает странам создавать и поддерживать государства всеобщего благосостояния, а более развитые и всеобъемлющие государства всеобщего благосостояния ведут к снижению чистого неравенства» [3, с. 194]. Но при этом более низкий уровень неравенства не влияет на более высокий уровень доверия. Проблема здесь в том, что можно уменьшить неравенство за счет расширения государства всеобщего благосостояния, но расширение государства всеобщего благосостояния вряд ли повысит доверие. Таким образом, именно социальное доверие становится базовой характеристикой, необходимой для организации государства всеобщего благосостояния.

Концепция государства всеобщего благосостояния является не просто благой идеей, она подтвердила способность улучшать благосостояние населения. Завершенные в этом году десять эмпирических исследований государственной социальной политики показывают, что именно такой тип государства позволяет наилучшим образом установить взаимодействие между государством и средним классом [10, с. 16–17]. Другой аспект проблемы выработки единой модели государства благоденствия — ее глобальный характер и необходимость бороться с глобальными проблемами, препятствующими благосостоянию. Как отмечает Холден, «по своей природе глобальная социальная политика принимает формы, отличные от национальных государств всеобщего благосостояния, и поэтому ее необходимо анализировать с использованием концепций и подходов, отличных от тех, которые применяются для изучения государства национального благосостояния» [10, с. 50]. Изучение глобальной социальной политики является крайне перспективным направлением, свой вклад могли бы внести и отечественные исследователи социальной сферы.

Проведенный критический обзор типов государства благоденствия позволяет утверждать, что в России социальная политика соответствует социал-демократическому типу, который становится все более либеральным. Каждый из типов государства благоденствия основывается на достаточной простой идее и будет эффективно работать только в «чистом» виде. При этом либеральный подход подвергается критике в общественном дискурсе социальных проблем. В этих обстоятельствах неизбежно возникает вопрос: хочет ли российское общество продолжения либерализации социальной сферы? И если нет, то по какому пути развития оно желает двигаться? Необдуманные социальные проекты, которые основываются только на направлениях социальной политики и технологиях, не будут достаточно эффективны. Суть проблемы в необходимости идеологической и философской рефлексии, как это уже сделано во всех развитых государствах. На всех континентах публикуются работы по проблеме государства всеобщего благосостояния,

тогда как в России научное и экспертное сообщество почти не продвинулось в этой сфере.

Существенным аспектом рассматриваемой проблемы является то, что во всем мире ведутся разговоры о кризисе государства всеобщего благосостояния. Выделяется ряд основных причин этого кризиса. Прежде всего, поддержание благосостояния становится слишком дорогим для экономики, что делает неконкурентоспособным все государство. Экономический рост замедляется, а издержки на поддержание нуждающихся растут. Другая важная причина — снижение рождаемости и старение населения. Это приводит как к снижению количества налогоплательщиков, так и к увеличению в структуре населения доли пожилых, которые нуждаются в разных видах социальной помощи. Негативно воздействует на все модели благосостояния и глобализация, поскольку «глобализация оказывает давление на национальные правительства, чтобы уменьшить размер и масштабы их влияния» [12, с. 962]. Глобальная конкуренция препятствует существованию государства благосостояния. По мере увеличения конкуренции между странами национальные правительства могут значительно снизить налоговые ставки для привлечения иностранных инвесторов. Это уменьшает финансовую базу государства благоденствия. В результате описанных процессов количество клиентов, нуждающихся в помощи социального работника и получении пособий, растет, а возможности государства по финансированию социальной работы сокращаются.

Важным аспектом кризиса государства всеобщего благосостояния является проблема занятости. Сегодня «современные инновации в области информационных технологий создают значительные риски потери занятости для лиц, занимающихся рутинным трудом, который может заменить автоматизация» [13, с. 27]. Огромные возможности для корпораций заменить людей роботами приводят к появлению большой армии безработных. Самое опасное, что этими безработными становятся не дезадаптивные или недееспособные индивиды, а активные люди, готовые трудиться. И сфера услуг зачастую не справляется с тем, чтобы поглотить людей, которые были высвобождены промышленным производством. Развитие информационных технологий не только влияет на рынок труда, но и увеличивает неравенство, поскольку «в целом процесс автоматизации может увеличить неравенство с точки зрения распределения доходов и благосостояния и создать новые проблемы для образования и социальной политики» [2, с. 4]. Помимо экономических рисков в государстве всеобщего благосостояния есть и социальные. Поскольку такое государство обеспечивает достаточный уровень благосостояния для безработных, мотивация искать работу у людей пропадает. Множество эмпирических исследований последних лет показывает, что «некоторые последствия государства всеобщего благосостояния с точки зрения морали заключаются в том, что оно “делает людей ленивыми”» [5, с. 838]. Социальные проблемы идеологии государства всеобщего благосостояния усугубила миграция: в благополучные

европейские страны переселилось огромное количество дезадаптированных нуждающихся людей. В результате это приводит к тому, что европейские налогоплательщики, которые отдают в виде налогов 50–70% своего дохода, ощущают себя вынужденными содержать массу нахлебников. Неизбежно появляются мысли, что было бы разумнее отказаться от идеи государства всеобщего благоденствия и перераспределить доходы более справедливым образом. Эти тенденции также характерны и для США. Нашумевшая инициатива Дональда Трампа по строительству стены на границе с Мексикой как раз преследует цель сохранить социальную справедливость для трудящихся налогоплательщиков. Ради достижения этой цели Трамп даже пошел на конфликт с Конгрессом, приведший к временно-му бюджетному коллапсу.

Огромное недооцененное влияние оказывает на государство благоденствие развитие Интернета и сферы электронных услуг. В настоящее время проведено мало глубоких исследований, посвященных последствиям оцифровки. Все большая оцифровка всех сфер общественной жизни меняет не только производство и потребление, но и участие людей в политике и социальной сфере. Оцифровка влияет на то, как регионы и правительства предоставляют социальные услуги, как организовано участие на рынке труда, как предоставляются медицинские услуги и т. д. В теории государства всеобщего благоденствия совершенно необходимо учитывать вызовы цифрового общества. Для этого нужно «активнее инвестировать в инновации, научные исследования и образование, инвестировать как в социальную, так и в цифровую инфраструктуру» [4, с. 20–21]. Исследования социальной политики в условиях цифрового общества, несомненно, станут одним из ведущих трендов изучения социальной сферы.

Помимо объективных экономических трудностей ситуация осложняется субъективными. Последние три десятилетия в мире происходит развитие неокapитализма как новой формации или нового типа экономической культуры. Неокapитализм, выявленный автором этих строк, характеризуется ориентацией всей экономики на статусное, символическое потребление. В такой экономике товары приобретаются не для удовлетворения объективных

потребностей индивида, а для поддержания символического статуса. Приобретаемые вещи, которые соответствуют моде, трендам и произведены известными брендами, могут с экономической точки зрения казаться бесполезными, а их приобретение — иррациональным. Для социальной политики здесь важно, что формирование неокapитализма сопровождается сверхновой бедностью. Сверхновые бедные стремятся к приобретению дорогих, престижных вещей, а потому субъективно ощущают себя нуждающимися. Хотя доход этих индивидов может быть выше среднего, их самоощущение не многим отличается от самоощущения классически бедного человека. Это приводит к психосоциальному стрессу — аномии, которая, в свою очередь, ведет к разнообразным проявлениям девиантного поведения. Несмотря на всю субъективную сущность сверхновой бедности, эта проблема совершенно реальна. Сверхновую бедность необходимо учитывать в концепции государства всеобщего благоденствия.

По итогам проведенного теоретического исследования следует отметить, что проблематика государства всеобщего благоденствия в России изучена слабо. Эта тема является недооцененной и крайне перспективной как для науки, так и для повышения эффективности всех видов социальной работы и социальной политики. Серьезные теоретические труды в этой сфере будут иметь реальную научную новизну, по крайней мере для России. Социал-демократический тип государства благоденствия не удается реализовать в российских условиях, а либеральный — отвергается населением. Тип государства благоденствия, подобный католическому, остается скорее мечтой, чем проектом. Исходя из реальных экономических и социальных условий в России следует избрать консервативный тип государства всеобщего благоденствия. Его организация потребует от всего общества огромных затрат времени и финансовых средств, но результатом станет рост благосостояния и решение социальных проблем. Учет развития неокapитализма и появления сверхновой бедности потенциально может способствовать тому, что отечественные изыскания по теории благоденствия станут передовыми и интересными англоязычному читателю.

1. Aspalter C. Welfare regime analysis: 30 years in the making. *International Social Work*, 2019, 62 (1), pp. 1–13. doi: 10.1177/0020872817710551.
2. Becker S. *Digital structural change and the welfare state in the 21st century*. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research, 2019. 32 p.
3. Bergh A., Bjørnskov C. Trust, welfare states and income equality: Sorting out the causality. *European Journal of Political Economy*, 2014, (35), pp. 183–199. doi: 10.1016/j.ejpoleco.2014.06.002.
4. Buhr D. What about Welfare 4.0? *CESifo Forum*, 2017, 18 (3), pp. 15–21.
5. Chung H., Taylor-Gooby P., Leruth B. Political legitimacy and welfare state futures: Introduction. *Social Policy and Administration*, 2018, 52 (4), pp. 835–846. doi: 10.1111/spol.12400.
6. Edling N. *The changing meanings of the welfare state: Histories of a key concept in the Nordic countries*. New York: Berghahn Books, 2019. 352 p.
7. Eggers T., Grages C., Pfau-Effinger B. Self-responsibility of the «active social citizen»: Different types of the policy concept of «active social citizenship» in different types of welfare states. *American Behavioral Scientist*, 2019, 63 (1), pp. 43–64. doi: 10.1177/0002764218816803.
8. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 260 p.

9. Holden C. Global social policy: An application of welfare state theory. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 2017, 34 (1), pp. 40–57. doi: 10.1080/21699763.2017.1413993.
10. Kevins A., Horn A., Jensen C., et al. The illusion of class in welfare state politics? *Journal of Social Policy*, 2019, 48 (1), pp. 21–41. doi: 10.1017/S0047279418000247.
11. Olsen G. M. Protective legislation: The «third pillar» of the welfare state. *Social Policy and Administration*, 2018, 53 (3), pp. 478–492. doi: 10.1111/spol.12471.
12. Potrafke N. The globalisation-welfare state nexus: Evidence from Asia. *The World Economy*, 2019, 42 (3), pp. 959–974. doi: 10.1111/twec.12748.
13. Thewissen S., Rueda D. Automation and the welfare state: Technological change as a determinant of redistribution preferences. *Comparative Political Studies*, 2019, 52 (2), pp. 1–38. doi: 10.1177/0010414017740600.

References

1. Aspalter C. Welfare regime analysis: 30 years in the making. *International Social Work*, 2019, 62 (1), pp. 1–13. doi: 10.1177/0020872817710551.
2. Becker S. *Digital structural change and the welfare state in the 21st century*. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research, 2019. 32 p.
3. Bergh A., Bjørnskov C. Trust, welfare states and income equality: Sorting out the causality. *European Journal of Political Economy*, 2014, (35), pp. 183–199. doi: 10.1016/j.ejpoleco.2014.06.002.
4. Buhr D. What about Welfare 4.0? *CEifo Forum*, 2017, 18 (3), pp. 15–21.
5. Chung H., Taylor-Gooby P., Leruth B. Political legitimacy and welfare state futures: Introduction. *Social Policy and Administration*, 2018, 52 (4), pp. 835–846. doi: 10.1111/spol.12400.
6. Edling N. *The changing meanings of the welfare state: Histories of a key concept in the Nordic countries*. New York: Berghahn Books, 2019. 352 p.
7. Eggers T., Grages C., Pfau-Effinger B. Self-responsibility of the «active social citizen»: Different types of the policy concept of «active social citizenship» in different types of welfare states. *American Behavioral Scientist*, 2019, 63 (1), pp. 43–64. doi: 10.1177/0002764218816803.
8. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 260 p.
9. Holden C. Global social policy: An application of welfare state theory. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 2017, 34 (1), pp. 40–57. doi: 10.1080/21699763.2017.1413993.
10. Kevins A., Horn A., Jensen C., et al. The illusion of class in welfare state politics? *Journal of Social Policy*, 2019, 48 (1), pp. 21–41. doi: 10.1017/S0047279418000247.
11. Olsen G. M. Protective legislation: The «third pillar» of the welfare state. *Social Policy and Administration*, 2018, 53 (3), pp. 478–492. doi: 10.1111/spol.12471.
12. Potrafke N. The globalisation-welfare state nexus: Evidence from Asia. *The World Economy*, 2019, 42 (3), pp. 959–974. doi: 10.1111/twec.12748.
13. Thewissen S., Rueda D. Automation and the welfare state: Technological change as a determinant of redistribution preferences. *Comparative Political Studies*, 2019, 52 (2), pp. 1–38. doi: 10.1177/0010414017740600.